

Янь Ся ответил:

— Изначально нам следовало разойтись, как тому морю с небом, — каждый своим путём, каждый за свой выбор в ответе. Вы же решили за меня. Ваша мать всегда хотела убить Янь Минчжоу, но ради вас ждала до сих пор. Всё это время она была со мной холодна. Конечно, я благодарен, что ты тогда тайком передал лекарство Юнь Сяо, когда я был ранен, — но на этом всё. Нам и не следовало иметь точек соприкосновения.

После этих слов Янь И молчал, а Янь Сьюань рассмеялась. Смех её был ярок, и теперь, в своём нынешнем облике, она разительно отличалась от прежней себя: чёрные как смоль волосы, высоко взлетающие виски и брови, глаза чистого янтарного цвета, нежно-розовые губы, фарфоровая кожа — всё это делало её черты пленительными. От былой простоватости не осталось и следа, теперь она была похожа на Цзя Нинчжи раз на семь из десяти. Услышав слова Янь Ся, она произнесла с лёгкой, дразнящей интонацией:

— Хоть мы с тобой и не ладили, но ты и сам был тихоней. А мне приходилось изображать холодность и равнодушие — уж никак не могла я с тобой близость проявлять. Я даже с матерью держалась отстранённо. Брат мой тоже гибкостью не отличался — заботился о тебе молча. Потому тебе и трудно было почувствовать тепло. Но для тебя это, конечно, наша вина. Детство твоё и вправду было не сахар. Да только разве наше было усыпано розами? С того самого дня, как мы себя осознали, мать рассказывала нам, в чём правда. И с тех пор жизнь наша была полна горечи.

Шэнь Юй видел, что Янь Сьюань не лжёт, и передал это Янь Ся. Тот кивнул:

— Верно. Каждому досталось своей боли. И никто не обязан прощать чужие ошибки. Не лучше ли просто разойтись?

Янь Сьюань пожала плечами:

— Вместе жить — всё равно что страдать. Я бы и сама с радостью ушла. Но мать оставила завещание, а я нарушать его не хочу.

Произнося это, она чувствовала горечь. Родилась она не в знатности, и лишь после смерти матери Янь Ся зажила жизнью молодой госпожи. Но память у неё была цепкой с младенчества. Она помнила, как мать составляла благовония и варила вино, как уходила затемно и возвращалась затемно, измождённая до предела. Тогда они с братом ещё и ползать как следует не умели. Чтобы прокормить их, мать оставляла их на жёсткой деревянной кровати, положив рядом еду на целый день. Они боялись пошевелиться, страшась свалиться — ведь поднять их обратно было бы некому, и тогда пришлось бы голодать. В голодные часы в душе копилась обида, но, стоило увидеть бледное, измученное лицо матери, как слёзы высыхали сами собой. Да и мать, хоть и вылечилась от внутреннего ранения, каждое полнолуние страдала от жуткого холода в теле. Выдержать это она могла, но муки были неимоверные, а на следующий день чаще всего не вставала с постели. Характер у Янь Сьюань изначально был не весёлым — да и сейчас весельчаком она не стала. Она боялась. Боялась той беспомощности. Слишком уж тяготила её гробовая тишина — хоть в детстве и был рядом брат, но и он уже тогда стал молчуном. Янь Сьюань целыми днями слышала лишь звуки еды да созерцала узоры на деревянном ложе, которые запомнила на всю жизнь.

Когда отец забрал их, она пребывала в полной растерянности. Она не знала, кто он такой, и не представляла, что ждёт их впереди. Она лишь видела, как мать смотрела на неё холодным взглядом, а потом вдруг улыбнулась. На бледном лице вспыхнула краска, а в улыбке читалась

непреклонность. Тогда она не поняла, что это значит. В доме отца у неё появились новые платья, и приставили служанок для ухода. Казалось, такая жизнь — что может быть лучше? Увы, однажды, притворившись уснувшей, она во всей красе вкусила людскую злобу. Служанки, думая, что она спит, откровенно обсуждали порочность её матери, упомянули и о её брате — настоящем наследнике, в отличие от неё и Янь И, чьё существование лишь свидетельствовало о бесчестии их отца.

Позже, под видом игры в прятки, она тайком наведася к тому самому брату. Тот предстал перед ней тщедушным и беспомощным — точь-в-точь как она сама в те дни, когда отца ещё не было. Помогать она ему не стала, а отправилась к матери. Та теперь больше не варила вино, лишь изредка составляла благовония, живя жизнью знатной дамы. Саму Янь Сьюань с недавних пор обслуживали служанки, и виделась она с матерью редко — та тоже не звала её. Долго она бродила, пока не нашла нужную дверь. Войдя, она почувствовала запах тления, словно в комнате распускался ядовитый цветок. Она отпрянула. Мать стояла у стола с благовониями. Дымок из ажурной курильницы вился лениво, опьяняюще. Но дети порой чувствуют зло куда острее взрослых — и сквозь эту дымку она ощутила смертельную тоску.

Мать на мгновение остолбенела, затем резко спросила, зачем та пришла. Янь Сьюань сперва испугалась — в их старой хижине мать никогда не повышала голос, говорила всегда мягко. От материнской горечи она не страдала никогда. Опомнившись, она разрыдалась и, захлёбываясь, выложила всё услышанное. Мать сначала молчала, но по её лицу Янь Сьюань видела, какую боль причиняли ей эти слова.

А потом, в один из ясных дней, мать позвала их с братом. Макияж на ней был почти не заметен, но и без него её красота пылала. — Я много думала, — сказала она. — И хочу попросить вас об одном, когда вы вырастете.

Сердце Янь Сьюань ёкнуло — какое-то особое чутьё подсказывало, что лучше не слышать эту просьбу, иначе всё изменится. Брат её молчал, но по выражению лица было ясно: он слушает внимательно. Мать рассказала им всю историю своих отношений с отцом и сказала, что будет ждать, пока они вырастут, а затем обратит всё в пепел.

Вернувшись, Янь Сьюань три дня и три ночи кричала и плакала. Отец в те дни был в отъезде, служанки справиться не могли. На третий день пришла мать. Выглядела она печальной. — Если не можешь этого принять, — сказала она, — я могу заставить тебя забыть. Когда придёт время выходить замуж, тебе не придётся больше иметь дело с делами семьи.

Янь Сьюань вздрогнула. Она ненавидела чувство, когда от неё что-то скрывают. — Мама, — прокричала она, голос уже сорванный от плача, — я приму это! Я хочу учиться составлять благовония и изучать боевые искусства! Я хочу сама решать, как мне жить!

Мать погрузилась в долгое молчание, будто что-то вспоминая, будто что-то решая. Наконец, даже голос её прозвучал с непреклонностью:

— Порой боевые искусства дают не уверенность, а лишь ввергают в распри. Но наследника у меня больше не будет. Ты — моё продолжение. Однако я надеюсь, что без крайней нужды ты не станешь показывать, что умеешь. Остальному я научу тебя позже.

После этого мать начала постепенно «менять» их лица. Сперва изменения были едва заметны, но со временем их облик стал иным. Брат тайком изучал другую боевую технику, которой обучала мать, а она сама словно за одну ночь переродилась — затворилась в покоях, изучая боевые искусства и искусство благовоний. Десять лет пролетели незаметно, и она постепенно

заработала прозвище «Белое безмолвие и холодный иней». Время от времени она навещала того братца. Учителя-лапшечника и старуху, обучавшую его травам, она тоже нашла сама. Возможно, сытый желудок на стороне был лучше, чем презрение слуг в доме. А лишнее умение всегда повышало шансы выжить.

Янь Ся не желал иметь дела с той парой брата и сестры. Когда Янь Сьюань закончила, он доел и ушёл в свою комнату. Юнь Сяо поспешила за ним и, увидев его недовольное лицо, сказала:

— Если господину здесь не по нраву, мы можем уйти.

Янь Ся мрачно спросил:

— Ты что, думаешь, я остаюсь только из-за их несметных богатств?

Благодаря плану Цзя Нинчжи, Янь И с детства постигал науки управления и тайно вывез часть средств из Павильона Линфан, занявшись собственным делом. А в день пожара прихватил ещё и множество потайных, не предназначенных для чужих глаз вещей из внутренних покоев. Так и скопил целое состояние.

Янь Ся последовал за братом и сестрой. Хотя у него и были свои деньги, большую часть расходов покрывал Янь И. Не говоря уже о переезде в этот городок, где находилась мастерская «Чистая Мелодия» — лучшее в мире рек и озёр место дляковки клинков. Янь И потратил целое состояние, заказав для них оружие, но изготовление займёт ещё несколько месяцев.

<http://bllate.org/book/16277/1465403>